

Научная статья

УДК 94(47)“1757/1758”

DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.6

Организация перехода крещеных джунгар из Сибири на Южный Урал и Среднюю Волгу (октябрь 1757 — июнь 1758 г.)

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, djund@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. В статье на примере крупной партии крещеных джунгарских калмыков рассматривается не затронутая в историографии организация переселения джунгарских беженцев на Южный Урал и далее на Волгу. Характеризуются мероприятия властей, направленные на обеспечение продовольственных и иных потребностей переселенцев, размещение их на зимних квартирах в приграничных крепостях Уйской линии. Обращается внимание на ответную реакцию джунгарских переселенцев, затрагивавшую их поведение и адаптацию к условиям российского социума: приспособление к оседлой жизни в зимнее время, обогатившийся с принятием христианства распад привычного сословного уклада, позволявший джунгарской знати эксплуатировать подвластных им ойратов «черной кости». Все отмеченные тенденции в жизненном укладе крещеных джунгарских калмыков получают дальнейшее развитие после их причисления к ставропольским крещеным калмыкам.

Ключевые слова: джунгарские крещеные калмыки, Джунгарское ханство, капитан А. Чернышев, Оренбургская губернская канцелярия, оренбургский губернатор И. И. Неплюев, Ставропольское калмыцкое войско, Уйская линия.

Для цитирования: Джунджузов С. В. Организация перехода крещеных джунгар из Сибири на Южный Урал и Среднюю Волгу (октябрь 1757 — июнь 1758 г.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1 (45). С. 94—105. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/6_45_2023.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.45.6.

Original article

Transition of baptized Dzungars from Siberia to the Southern Urals and the Middle Volga (October 1757 — June 1758)

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. Using the example of a large batch of baptized Dzungarian Kalmyks, the article examines the resettlement process of Dzungarian refugees to the southern Urals and further to the Volga, which has not yet been viewed historiographically. The measures of the authorities aimed at ensuring the food and other needs of the settlers, their accommodation in winter apartments in the border fortresses of the Uysk line are characterized. Attention is also drawn to the response of the Dzungarian settlers, which affected their behavior and adaptation to the conditions of Russian society: adaptation to a settled life in winter, the disintegration of the usual class structure, which was marked by the adoption of Christianity, which allowed the Dzungarian nobility to exploit the “black bone” Oirats subject to them. All the noted trends in the way of life of the baptized Dzungarian Kalmyks will be further developed after their inclusion in the Stavropol baptized Kalmyks.

Keywords: Dzungarian baptized Kalmyks, Dzungarian Khanate, Captain A. Chernyshev, Orenburg Provincial Chancellery, Orenburg Governor I. I. Nepluyev, Stavropol Kalmyk army, Uysk line.

© Джунджузов С. В., 2023

For citation: Dzhundzhuzov S. V. Transition of baptized Dzungars from Siberia to the Southern Urals and the Middle Volga (October 1757 — June 1758). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2023, no. 1 (45), pp. 94—105. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.45.6>.

Введение

Междоусобицы, сотрясавшие Джунгарское ханство в последнее десятилетие его существования, сопротивление правителя Амурсаны экспансии цинской Китайской империи и начавшееся во второй половине 1750-х гг. целенаправленное истребление китайскими завоевателями населявших Джунгарию ойратов способствовали переходу тысяч джунгарских беженцев в российское подданство. В России их называли зенгорские, в современном прочтении — джунгарские калмыки. Несмотря на обострение отношений с Китаем и реальную угрозу войны с Поднебесной империей, Россия охотно принимала джунгар на своей территории. Условия приема определялись указами Коллегии иностранных дел. Указ от 27 января 1756 г., адресованный оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву и сибирскому губернатору В. А. Мятлеву, допускал принятие джунгар и алтайцев в российское подданство только в том случае, если они дадут согласие переселиться на Нижнюю Волгу, в Волжское калмыцкое ханство [17]. Другим указом, поступившим в Оренбургскую губернскую канцелярию 9 декабря 1757 г., повелевалось принимавших христианскую веру иностранцев отправлять в Оренбург, «а желающих из них в Сибири при восприемниках и других оставлять засходно не признавать» [11, л. 165].

История падения Джунгарского ханства [7, с. 279—302; 9; 16], как и военно-политическая деятельность его последнего правителя Амурсаны, активно изучались многими поколениями историков [2; 6; 8]. Разрозненные сведения об уничтожении населения Джунгарии маньчжурскими войсками, бегстве джунгар и подвластных им представителей монгольских и тюркоязычных этнических групп в Россию и другие сопредельные страны представлены новосибирским историком С. Г. Скобелевым. Основываясь на публикациях предшественников и собственной методике изучения факторов, влиявших на демографическую ситуацию, он пришел к заключению, что число погибших могло достигать до 670 тыс., примерно две трети населения Джунгарского ханства, из которых жертвами цинских войск стали 400 тыс. человек [15, с. 233]. С. Г. Скобелев подверг сомнению укоренившееся в историографии мнение о бегстве из Джунгарии в Сибирь, под защиту русских крепостей, 75 тыс. человек. Исследователь ограничивает их численность 20 тыс. По его мнению, о 70—75 тыс. переселенцев можно говорить, если принять во внимание хойтов (ойратский субэтнос. — С. Д.), ушедших из Южной Джунгарии непосредственно к калмыкам [15, с. 229—230].

С 1746 г. действовало правило, в соответствии с которым выходивших из казахского или джунгарского плена на сибирские линии волжских калмыков следовало отправлять в Казань, а оттуда в Астрахань. 16 ноября 1757 г. Коллегия иностранных дел дала указание сибирскому губернатору Мятлеву всех некрещеных калмыков, к которым причислялись и вступившие в российское подданство джунгарские калмыки, отправлять в Астрахань через Оренбург. Отчасти изменение маршрута объяснялось соображениями логистики: «Для того, что в рассуждении потребного для препровождения их конвоя меньше будет затруднения». Но, что еще важнее, находясь в Оренбурге и общаясь с состоявшими в Оренбургском нерегулярном корпусе крещеными калмыками, джунгары по их примеру станут охотнее менять вероисповедание [11, л. 167 об.].

Теми же дорогами, что и некрещеные джунгары, к Оренбургу продвигались партии джунгарских калмыков, воспринявших православное христианство в сибирских крепостях. Однако их подселение к оренбургским калмыкам губернатор И. И. Неплюев счел нецелесообразным, ссылаясь на отсутствие в нерегулярном корпусе вакансий и допол-

нительного финансирования на их содержание [11, л. 168]. Самым удобным местом для водворения новокрещеных калмыков он считал находившееся в его ведении Ставропольское калмыцкое войско, в то время именовавшееся корпусом. Губернатором также учитывалась близость Оренбурга к казахским кочевьям: «...как они люди степные и в вере еще не совершенные, то затем, а паче еще и потому, что киргис кайсаки в летнее время обыкновенно к здешним местам улусами своими в близости находятся, тогда и для торга на меновой двор беспрерывно приезжают. Не без сумнительно, дабы оные к киргизцам побегов не учиняли и через то Христианской вере нарушения не последовало. Чего ради сходне их иметь в Ставрополе, нежели здесь... Разве некоторых по особливым обстоятельствам и то, весьма немногих» [10, л. 151—152]. По неполным данным, в 1757—1759 гг. Ставропольский корпус принял на жительство 2012 «зенгорских калмыков», а в 1768 г. их насчитывалось 2894 человека, или 35,22% от общего числа ставропольских крещеных калмыков [4, с. 108—109].

В данной статье на примере крупной партии крещеных джунгарских калмыков рассматривается не затронутая в историографии организация переселения джунгарских беженцев на Южный Урал и далее на Волгу. Характеризуются мероприятия властей, направленные на обеспечение продовольственных и иных потребностей переселенцев, размещение их на зимних квартирах в приграничных крепостях Уйской линии. Обращается внимание на ответную реакцию джунгарских переселенцев, отражающую их поведение и адаптацию к условиям российского социума.

Источниковой базой исследования послужили документы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области. В их числе: указы из Оренбургской губернской канцелярии по секретной экспедиции, рапорты, адресованные оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву от бригадира и оренбургского коменданта П. С. Бахметева, и рапорты на имя Бахметева от состоявшего при джунгарских крещеных переселенцах капитана Уфимского пехотного полка Андрея Чернышева. Весомым дополнением к ведомственной переписке военных чиновников служат письма представителей джунгарской знати, нойона Матвея Петрова и зайсангов, с прошениями об удовлетворении материальных потребностей и иных, как правило связанных с привилегиями, нужд.

Результаты исследования

К осени 1757 г. в сибирских крепостях скопились сотни джунгарских беженцев, наспех крещеных без должного увещевания в сибирских крепостях. Как показывает опыт изучения миссионерской деятельности среди калмыков [3], дополненный приведенными ниже фактами, переходившие в православное христианство джунгарские беженцы руководствовались соображениями безопасности, полагающегося вознаграждения, примером родственников или повелением своего владельца, но только не осознанным выбором. Следствием такого «двоеверия» стала сохранявшаяся до начала XX в. приверженность крещеных калмыков буддийскому вероисповеданию.

Не позднее сентября 1757 г. из сибирского пограничья была отправлена партия крещеных джунгарских калмыков, насчитывавшая 279 человек. В пути их сопровождала воинская команда в составе четырех офицеров: вахмистра, прапорщика, двух капралов — и 42 рядовых [11, л. 34 об.]. Эта партия джунгарских калмыков значительно превышала все предыдущие, численность которых колебалась от полутора десятков до сотни человек. Так, прибывшие в Оренбург в марте 1757 г. пять семей крещеных джунгарских калмыков в числе 18 человек, как исключение, по их просьбе «для приобщения с прочими оренбургскими крещеными калмыками» были зачислены в нерегулярный Оренбургский корпус [11, л. 123]. За ней последовали партии умершего в пути нойона Дамчи Гендина

(Александра Степанова) и его зятя зайсанга Андрея Карлова числом 16 человек, нойона Дмитрия Норбо Данжина — 29 человек [11, л. 219 об.].

Все перемещавшиеся по территории России партии джунгарских калмыков комплектовались с учетом сложившейся у ойратов сословной иерархии. Среди подошедших 14 октября к находившейся на северо-восточной окраине Оренбургской губернии Троицкой крепости джунгарских крещеных калмыков знатностью происхождения отличались нойон Дондок, по крещении Матвей Петров, вдова нойона с золовкой и тремя детьми и три зайсанга. Имперское правительство, по крайней мере в период вхождения кочевых народов в российское подданство и их последующей интеграции в имперском экономическом и социально-культурном пространстве, стремилось поддерживать привилегии ойратской знати. На первых порах это проявлялось в повышенном вознаграждении нойонов и зайсангов за восприятие крещения и дифференциации разного рода выплат. Со дня выхода из сибирских крепостей и до прибытия к месту поселения калмыкам полагалась выплата кормовых денег. Ее минимальный размер для рядовых калмыков составлял 3 копейки в день. Для знати, «даб они отменное против подвластных им соображение иметь могли», определили более высокое содержание: нойону 20, вдове нойона 15, ее трем сыновьям и золовке по 10, трем зайсангам по 5 копеек на день [11, л. 26]. Впрочем, есть основания полагать, что эти усиленные выплаты последовали после письменного обращения нойонов и зайсангов к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву, представленного в рапорте оренбургского коменданта бригадира П. С. Бахметева от 15 октября 1757 г. Подписавшиеся родными именами нойон Дондок, зайсанги Шеаренг, Итегель и Иманжи жаловались, что на производимые им три копейки содержать себя не в состоянии. Просили губернатора об увеличении денежного кормового довольствия и покупке для них одежды [11, л. 6].

И. И. Неплюев надеялся до зимы успеть вывести крещеных джунгарских переселенцев в Оренбург. Он призывал склонять калмыков обещаниями, тем, что в определенных для их водворения местах «содержание им будет способнее и выгоднее здешнего» [11, л. 36 об.].

Однако оренбургская администрация была вынуждена оставить джунгарских калмыков зимовать в крепостях Уйской пограничной линии. Командированный на линию капитан А. Чернышев докладывал по инстанции, что даже те калмыки, которые изъявили желание до наступления зимы выехать в Оренбург, отправлены быть не могут. Большинство из них не имеют теплой одежды. Мест, где бы переселенцы могли обогреться, на Зилаирском тракте найти невозможно. Ямские станции представляли собой одинокие маленькие избышки. Все имевшиеся при них постройки были сожжены бунтовавшими башкирами в период восстания 1755—1756 гг. А. Чернышев предлагал оставить калмыков в назначенных для них крепостях до весны. А с наступлением тепла отправить их на телегах. Если к тому времени им удастся сохранить свой скот, то во избежание найма башкирских и казенных подвод поставить им условие, чтобы ехали на своих лошадях и подводах [11, л. 37].

Уйская линия представляла собой цепь из девяти крепостей, построенных между реками Яик и Тобол с целью защиты российских рубежей от набегов казахов (в дореволюционной терминологии киргиз-кайсаков) и ногайцев. На зимовье крещеные джунгарские калмыки были размещены в Уклы-Карагайской и Петропавловской крепостях. В первой разместился нойон М. Петров с родственниками и 157 рядовых калмыков, всего 163 человека, во второй — 3 зайсанга и 111 рядовых калмыков, всего 114 человек [11, л. 56]. Одновременно с крещеными джунгарскими переселенцами на Уйской линии была оставлена зимовать большая партия их некрещеных сородичей численностью 2529 человек

[11, л. 177]. По большей части местом их зимней дислокации оставалась возведенная на реке Тобол Звериноголовская крепость. Попечение о некрещеных джунгарских калмыках было возложено на майора Нармацкого. Имущественное состояние и невзгоды, с которыми сталкивались переселенцы обеих партий, не имели особых отличий.

У крещеных джунгарских калмыков сложились доверительные отношения с сопровождавшим их из Сибири вахмистром Костыгиным. Через оренбургского коменданта они даже просили оренбургского губернатора «вахмистра Костыгина для зимовья при них определить». Однако по соображениям ведомственного характера надзор за крещеными калмыками был поручен капитану Уфимского пехотного полка Андрею Чернышеву, в первые месяцы не вполне справлявшемуся с задачей «ни для каких придерзостей, а паче до пьянства [калмыков] не допускать» [11, л. 1, 16 об.].

Царское правительство не имело возможности составить предварительные расчеты сумм, ассигнуемых из казны на организацию приема и переселения джунгарских кочевников, принимавших в Сибири российское подданство. Неизвестно было, какое их количество пересечет границу России в течение следующего дня, недели, месяца, сколько из них перейдет в христианство или останется буддистами. Ответить на эти вопросы и, следовательно, компенсировать расходы провинциальных властей можно было только задним числом. А до того времени источниками финансирования могли служить неучтенные местные сборы. Сенатским указом от 27 октября 1757 г. оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву велено: «зенгорцев хлебом и по их натуре мясом скотом лошадьми довольствовать и одежею и прочим снабдевать, употребляя на то деньги из наличных всяких сборов на счет неположенных в штат доходов» [12, л. 225]. В Оренбургской губернии такими могли быть, например, доходы от продажи соли и связанное с ней налогообложение.

Между тем заселенные главным образом казаками крепости Уйской линии, как и Троицкая провинция в целом, к середине XVIII столетия оставались еще весьма малолюдными с крайне низким уровнем хозяйственного развития. Цены на продовольствие и фураж оренбургская администрация считала слишком высокими. Губернатор И. И. Неплюев надеялся, что часть продовольственных потребностей джунгарские крещеные калмыки смогут удовлетворить за счет собственного скота. Согласно представленной 21 ноября 1757 г. ведомости, у крещеных калмыков имелось 149 голов скота: 18 верблюдов, 69 лошадей, 39 коров, 9 овец, 14 коз [11, л. 34 об.]. Но даже это небольшое стадо при скудных кормовых ресурсах прокормить было крайне затруднительно. Оренбургский комендант Бахметьев предупреждал И. И. Неплюева, что казенный провиант и сено завозились в крепости для нужд регулярных войск и раздавать его калмыкам нельзя. Казаки без оплаты давать сено не станут. Поэтому он предлагал обязать капитана Чернышева покупать у казаков сено и солому из имевшихся в его распоряжении кормовых денег [11, л. 37 об.].

О продовольствии калмыков от губернатора И. И. Неплюева поступали разные, порой противоречивые распоряжения. Сначала, когда он, видимо, еще надеялся на скорую отправку джунгарских калмыков в Оренбург, было дано указание, чтобы они, пока земля не покроется глубоким снегом, держали скот на подножном корму. Когда же корма хватать не будет, начали потреблять его в пищу. Также разрешалось продавать скотину по высоким ценам местным жителям. Губернатор надеялся, что за счет вырученных от продажи денег и сэкономленных кормовых выплат калмыки смогут на новом месте жительства обзавестись скотом по более низкой цене [11, л. 24]. Затем, в соответствии с Сенатским указом от 27 октября 1757 г., губернатор предписал, что если наступит такая нужда, когда полевым кормом калмыцкий скот довольствовать будет невозможно, а сами калмыки обеспечивать его кормами будут не в состоянии, то «для прокормления оно

брать у крестьян сено, платя за него деньги из имеющихся в приеме капитана Чернышева по настоящим ценам». Сено раздавать калмыкам по установленной на месте пропорции «без излишеств». С крестьян требовать «добровольной» выдачи соломы, которой они, по сведениям И. И. Неплюева, свой скот не кормят [11, л. 52—52 об.].

Не менее остро, чем снабжение продовольствием, перед российскими властями стояла задача обеспечения теплой одеждой скопившихся на Уйской линии крещеных и некрещеных джунгарских калмыков. А. Чернышев извещал губернскую администрацию, что не может воспользоваться разрешением покупки для крещеных калмыков недорогих шуб. В ближайшей округе их купить было просто негде. В ограниченном количестве у местных торговцев по завышенным ценам можно было приобрести лишь сыромятное сукно — грубую толстую шерстяную ткань ручной работы, использовавшуюся крестьянами для пошива верхней одежды. Оренбургский комендант П. С. Бахметев предлагал губернатору И. И. Неплюеву закупить для калмыков 3 тыс. аршин простого сукна, «где способнее и дешевле отыскаться может». Поручить это дело нарочным, командированным в город Хлынов (с 1789 г. город Вятка, с 1934 г. — Киров. — С. Д.) и в другие места [11, л. 37, 51—51 об.].

Непривычное для кочевников домашнее проживание, праздное времяпрепровождение, усугублявшееся близостью к торговавшим хлебным вином кабакам, становились причинами конфликтов как между самими калмыками, так и с контактировавшими с ними лицами — местными жителями и надзиравшими за ними воинскими чинами.

27 декабря 1757 г. капитан А. Чернышев рапортовал П. С. Бахметеву, что размещенные в Петропавловской крепости в казармах калмыки не заботятся о чистоте помещений — рубят пороги, портят двери. Капитан опасался, что при такой эксплуатации казарм в них и «полы погнуть могут». В рапорте подчеркивалось, что переселенцы не испытывали недостатка в дровах. Тем не менее от соседних обывателей поступали жалобы, что калмыки «самовольством своим» пускают на дрова принадлежащие им строения. К увещаниям караульных они не прислушиваются, обзывают их «собаками» и даже вступают с ними в драки. Сам А. Чернышев фактически расписывался в полной неспособности хоть как-то самостоятельно повлиять на своих подопечных: «А моего увещания не приемлют и всегда самовольство свое употребляют. От чего мне уже ласкою пристрастить к воздержанию никак не можно. Того ради <...> прошу в таковых их самовольствах как с теми калмыками мне повелено будет поступать. Ожидать вашего превосходительства резолюции» [11, л. 62 об.].

Демонстративное неповиновение калмыков надзиравшим за ними армейским офицерам и солдатам объяснялось пьяным куражом и ощущением безнаказанности. На покупку вина тратились кормовые деньги и средства, вырученные от продажи скота. Пик вызванных пьянством беспорядков пришелся на ноябрь 1757 г. Некоторые из таких эксцессов были описаны в рапортах капитана Чернышева. Так, 9 ноября, после размещения джунгарских калмыков на квартирах в Петропавловской крепости, между зайсангами Манжи [Иманжи] Церином¹ и Шарином [Шеаренгом] Бодуровым произошла пьяная драка. Состоявший в воинской команде капитана А. Чернышева вахмистр Суворов разнял дерущихся и посадил Бодурова под караул. Однако Ш. Бодуров на этом не успокоился, вырвался из караульного помещения и, вооружившись ножом, вторично напал на своего противника. Солдатам пришлось снова разнимать дерущихся. Тогда Ш. Бодуров обратил свой гнев на Суворова и попытался отобрать у него шпагу. Остановленный солдатами,

¹ В разных документах имена одних и тех же калмыков написаны по-разному. Иногда вместо родных имен указываются русские имена, данные при крещении, что затрудняет идентификацию личности.

пьяный зайсанг выхватил нож и порезал себе горло. «Токмо де до той его умышленной смерти караульными не допущен» [11, л. 40 об.].

15 ноября калмык Тербинов в состоянии алкогольного опьянения избил свою жену. Женщине, совершенно голой, удалось вырваться из рук изувера и укрыться в соседней избе. Заставший ее в той избе, такой же пьяный, как и ее муж, калмык Кончи Бодуров, набросился на незащищенную женщину. На шум прибежал состоявший в караульной команде капрал Анчиков. Ему удалось остановить пьяного дебошира. Вскоре в конфликтную ситуацию вмешалась группа калмыков численностью до семи человек, возглавляемая Тербиновым. Тогда уже К. Бодуров стал просить у Анчикова защиты. В начавшейся драке капралу была нанесена тяжелая травма руки [11, л. 41].

Смелость дебоширам придавало отсутствие наказания. Капитан А. Чернышев пытался отбирать у калмыков вино и сажать провинившихся под караул, но мер этих было явно недостаточно. «Почему, — как написал в рапорте А. Чернышев, — они паче отваживаются и все худее самовольности свои делают. От чего их никоим образом ласкою без озлобления отвратить невозможно» [11, л. 41 об.]. Состоявшие при крепостных гарнизонах офицеры инициативы по наведению порядка в местах размещения джунгарских калмыков не проявляли. Комендант Петропавловской крепости капитан Превлоцкий требовал распоряжения о запрете продажи вина калмыкам от своего непосредственного начальника секунд-майора Сорокина. В свою очередь Сорокин переадресовал это требование капитану Чернышеву. Правда, капитан Превлоцкий все же решился отдать приказ о запрете продажи вина калмыкам, но, боясь обвинения в самовольстве, не решился сообщить о нем по инстанции. А. Чернышев просил оренбургского губернатора издать резолюцию об ограничении продажи вина калмыкам. Неоднократно случавшиеся между калмыцкими переселенцами пьяные драки с поножовщиной внушали капитану обоснованное опасение, «чтоб они в пьянстве по их самовольному легкомыслию не чинили какого смертного убийства» [11, л. 41 об.].

В соседней Уклы-Карагайской крепости крещеные джунгарские калмыки завели собственное винокурное производство или, говоря языком того времени, сами «сидели вино». Сырьем им служила пшеница. Капитан А. Чернышев пытался объяснить нойону М. Петрову, что по законам Российской империи обывателям заниматься винокурением запрещено под страхом наказания. Ответ нойона привел Чернышева в замешательство. М. Петров заявил, что русское вино калмыкам пить нельзя: оно очень горькое и от его употребления они могут умереть. За разъяснением А. Чернышев обратился к коменданту П. С. Бахметеву. С рапортом он отправил опечатанный сосуд с калмыцким вином [11, л. 43].

Оренбургский губернатор решительно пресек колебания офицеров, поставленных надзирать за джунгарскими калмыками. Он подтвердил строгий запрет на занятие винокурением. В случае неповиновения приказывалось отбирать посуду, а нарушителей запрета сажать под караул. Если этих наказаний окажется недостаточно и калмыки продолжат «сидеть вино», то таких злоумышленников сечь нещадно плетями. А в кабаках установить такой порядок, чтоб вино калмыкам продавали умеренно, «даб пьянство между ними не умножалось» [11, л. 53—53 об.].

И. И. Неплюев добивался прекращения беспорядков, не ограничиваясь одними лишь запретами и наказаниями. По его распоряжению для увещевания джунгарских калмыков в распоряжение капитана Чернышева 9 декабря был направлен священник Оренбургской загородной казачьей слободы Роман Курбатов [13, л. 1]. По большей части жителями Загородной слободы становились записанные в казаки крещеные калмыки. Поэтому за слободой закрепилось еще и название «Калмыцкая». За казенный счет в Загородной сло-

боде была построена небольшая церковь, названная в честь Св. Георгия Победоносца Георгиевской [5, с. 45]. О ее настоятеле отце Романе Курбатове в представленной в сентябре 1756 г. атаманом Могутовым справке говорилось, что «избран был человек искусной и в калмыцком разговоре знающий» [5, с. 45].

13 декабря Роман Курбатов с пономарем прибыли в Уклы-Карагайскую крепость и приступили к своим обязанностям. А уже 18 декабря А. Чернышев отрапортовал И. И. Неплюеву, что «по должности и званию своему оной священник крайней труд и старание прилагает» [11, л. 60]. Командировка Р. Курбатова продолжалась чуть более месяца. Уже 20 января 1858 г. капитан А. Чернышев уведомил бригадира А. С. Бахметьева, что священник Р. Курбатов отправлен обратно в Оренбург. Нужды в дальнейшем его пребывания при джунгарских крещеных калмыках не предвидится. Прежние ссоры, пьянство и драки между ними прекратились. Порядок не нарушают и живут спокойно. Чернышев просил лишь о возвращении владевшего калмыцким языком пономаря: «ибо, когда какая нужда потребует, то и растолмачивать будет некому» [11, л. 100—100 об.].

В ходе общения отца Романа Курбатова с крещеными джунгарскими калмыками обнаружился опасный фактор очевидного влияния на них со стороны буддийского духовенства. Из донесения, поданного отцом Романом губернатору И. И. Неплюеву, следует, что к нему обратились восемь лам (буддийских священнослужителей. — С. Д.), которые рассказали о себе, что, спасаясь от разорения, они пришли в Омскую крепость, где вступили в российское подданство. Толмачу объяснили, что как под протекцией России люди разных наций и веры находятся, то и они «в своем законе» пребывать будут. Но их все равно насильно окрестили. Ламы надеялись, что Р. Курбатов посодействует признанию недействительным произведенного над ними обряда крещения. При этом они ссылались на свой преклонный возраст и неспособность освоить христианское вероучение. Российское законодательство не допускало переход из православия в другие конфессии. Самовольная смена вероисповедания признавалась как тяжкое преступление вероотступничества. Эту мысль Р. Курбатов пытался довести до своих просителей, однако они продолжали упорствовать [12, л. 78 об.].

И. И. Неплюев потребовал от капитана А. Чернышева немедленной отправки буддийских священников в Оренбург. В губернском городе испуганные ламы, по крайней мере на словах, изменили свое отношение к христианству. После очередного увещевания, проведенного священником Р. Курбатовым, ими было заявлено, что «они от содержания христианской веры не отрекаются, но пребывать в оной и обучаться так желают, как сущим христианам надлежит» [12, л. 79]. Свои прежние заявления о якобы недобровольном их крещении в Омской крепости ламы теперь объясняли личной обидой на то, что выплату кормовых денег им назначили наравне с прочими рядовыми калмыками. Те же претензии крещеные буддийские ламы высказали в Оренбургской губернской канцелярии в присутствии губернского секретаря советника П. И. Рычкова. Рычков счел приведенные ими доводы убедительными: «...а понеже они, ламы, как то здесь по их состоянию усмотрено, от прочих простых калмык весьма отменны, да и звание их не подлое, но между их народа отменное». Так как к этому времени И. И. Неплюев вышел в отставку, а новый губернатор в Оренбург еще не прибыл, решение о приравнивании бывших буддийских священников к калмыцким старшинам и прибавке им кормовых выплат до пяти копеек в день от имени губернской канцелярии было принято ее секретарем. В нем говорилось: «Того ради во удовольствие их, дабы они впредь долее сомневаться и жаловаться причины иметь не могли и пред прочими в отмене себя видели, к получаемым ими ныне по три копейки еще прибавить по две» [12, л. 79—79 об.].

Однако дальнейшее пребывание крещеных лам в Оренбурге П. И. Рычков счел нецелесообразным. В это время в городе находилась делегация волжских калмыков, возглавляемая зайсангом Ноуватом. По поручению российского правительства и калмыцкого хана Ноуват был командирован в сибирское пограничье с целью склонения джунгар переселяться в Калмыцкое ханство. Чтобы не допустить встречи крещеных лам с ханскими подданными, их незамедлительно отправили в Ставрополь. Но и там их далеко не сразу разрешалось подселать в улусы крещеных калмыков. Прежде они отсылались в Ставропольское духовное правление, где православный миссионер, протопоп Андрей Чубовский должен был «утвердить их в законе христианском» [12, л. 80—80 об.].

Пройдет полтора столетия, и после издания 17 апреля 1905 г. Указа о веротерпимости, в резолюции, составленной на прошение крещеных калмыков-казаков Кулевчинского поселка о признании их буддистами, оренбургский епископ Иоаким заметит: «Не могу понять, каким образом христиане с 1737 года (имеются в виду первые крещеные калмыки, поселенные на Средней Волге. — С. Д.) остались в потомстве нехристианами?» [1, л. 87]. Ответ, вероятно, следовало искать в архивных документах, повествующих о крещении не желавших того буддийских священников, свидетельствующих о незнании и пренебрежительном отношении должностных лиц к духовной культуре и этническому быту крещеных калмыков.

Склонение к восприятию джунгарскими калмыками православного христианского вероисповедания проводилось не только в сибирских крепостях, но и в период их перехода в Калмыцкое ханство, во время зимовья на Уйской линии в Звериноголовской крепости. При этом можно заключить, что крещение у джунгарских калмыков приобретало антисословную, социальную окраску. Так, при встрече джунгарский зайсанг Хошка высказал накопившиеся обиды майору Нармацкому. Он напомнил, что сначала на границе у них отобрали оружие, которое так и не возвратили, а уже здесь стали отлучать от них холопов и служанок, которым достаточно лишь заявить, что креститься желают. Нармацкий запросил резолюцию с разъяснением, как ему поступать в случае, если желающих креститься калмыков зайсанги или старшины объявят своими холопами.

И. И. Неплюев усмотрел в такой постановке вопроса нарушение гарантированного российским законодательством права любому иноверцу, включая иностранцев, на добровольный переход в православное христианство и предоставление покровительства и подданства Российской империи. Зайсангам требовалось растолковать, что это правило распространяется не только на их холопов, и «им, зайсангам, за то роптать и неудовольствие оказывать не должно» [12, л. 91]. Надзиравшие за калмыками офицеры обязались допускать всех желающих к крещению и затем переводить их в Уклы-Карагайскую крепость, где до весны размещались прочие крещеные калмыки.

Увеличение численности рядового состава крещеных джунгарских калмыков, размещенных в Уклы-Карагайской и Петропавловской крепостях, подтверждается данными еженедельных ведомостей, поступавших от капитана А. Чернышева. Пик роста пришелся на середину января 1758 г., когда число крещеных калмыков достигло 306 человек. Как отмечалось выше, на момент прибытия на Уйскую линию в октябре 1757 г. их было 279. Прирост на 27 человек пришелся исключительно на рядовую часть крещеных калмыков. Численность знати, включавшей родственников нойона Матвея Петрова и трех зайсангов, по-прежнему составляло 11 человек [12, л. 86 об.].

С принятием христианства у джунгарских калмыков обозначился процесс распада привычного сословного уклада, позволявшего родовой знати эксплуатировать ойратов «черной кости». В письме одного из калмыцких владельцев И. И. Неплюеву говорилось: «Природные мои два человека холопов, объявляют... что они, хотя в зюнгарии холопа-

ми находились, и они де таковы ж как все и так меня не знают и не почитают» [11, л. 6]. Сословные привилегии крещеных калмыков российские власти перестанут учитывать после их причисления в 1842 г. к оренбургским казакам [14, с. 393—394].

Дальнейший переход исследуемой группы крещеных джунгарских калмыков через Оренбург в Ставрополь на соединение со ставропольскими крещеными калмыками прослеживается лишь по отрывочным документальным свидетельствам. Это объясняется тем, что с весны 1758 г. с сибирских линий отправлялись разные по численности партии крещеных джунгарских калмыков, к которым могли присоединяться небольшие группы их соплеменников, перезимовавших в Уклы-Карагайской и Петропавловской крепостях. В сохранившейся черновой записи «определения», составленного от имени губернатора И. И. Неплюева, содержалось указание: не имевших собственного скота крещеных калмыков отправить в Оренбург в марте, по зимней дороге, остальных — на их лошадях со скотом — по траве на своих лошадях через Зилаирскую крепость [11, л. 97].

Первыми из крещеных джунгарских калмыков в Оренбург были вывезены нойон Матвей Петров с матерью Анной Андреевой, крещеным гецулем (священником. — С. Д.) и тринадцатью сопровождавшими их рядовыми калмыками. По просьбе М. Петрова ему было разрешено остаться в губернском городе до прибытия остальных калмыков. В результате в Оренбурге он прожил до середины июля и выехал в Ставрополь с уже новой партией калмыков, выведенной из Сибири весной 1758 г., численностью 610 человек [12, л. 104, 226]. Остававшиеся на Уйской линии крещеные калмыки, как можно судить из записей в разрозненных документах, отправлялись в Оренбург группами по 20—40 человек. Так, 27 мая 1758 г. Оренбургской губернской канцелярией было дано распоряжение: «...присланных сюда при промемории бригадира и оренбургского коменданта Бахметева двадцати, да два раза от капитана Чернышева по сороку и того мужска и женска полу сто человек [крещеных джунгарских калмык] отправить <...> в Ставрополь». Такое же распоряжение было отдано 15 июня в отношении еще 68 крещеных калмыков, присланных от капитана А. Чернышева [12, л. 166]. В Ставрополе они все были распределены по ротам и улусам. Им предстояло влиться в служилое сословие, адаптироваться к правилам, регулирующим весь спектр общественных отношений в Ставропольском калмыцком войске, а мужской части населения нести пограничную службу и участвовать в войнах под знаменами своей новой Родины.

Заключение

Описанные выше события представляют собой отражение цивилизационного взаимодействия, акторами которого выступали, с одной стороны, российские военные чиновники и православное духовенство, с другой — нашедшие убежище в России и принявшие ее государственную религию джунгарские калмыки. Первые в этом дуэте могут быть определены как представители европейской христианской цивилизации, олицетворяемой Российской империей, вторые — как наследники кочевой ойратской цивилизации, находившейся под духовным влиянием тибетского буддизма. Представителям российской власти, в чьем ведении находились джунгарские калмыки, приходилось решать сложные логистические задачи по организации переходов, размещения на зимних квартирах в приграничных крепостях, снабжению своих подопечных продовольствием, фуражом, топливом, обувью и теплой одеждой. Другая, не менее трудная группа задач заключалась в принуждении калмыков к порядку, соблюдению элементарных санитарно-гигиенических правил и, чему придавалось особое значение, недопущению никакого иного, кроме православного, религиозного влияния. В свою очередь крещеным джунгарским калмыкам в их первое зимовье в России пришлось учиться жить в русских избах, топить печи, содержать скот в стойлах, избегать тлетворного пьяного дурмана русских

кабаков. Вместе с бытом уже в первые месяцы их пребывания в лоне новой христианской православной религии в среде джунгарских калмыков становится заметной постепенная ломка старых, по сути феодальных отношений. Рядовые калмыки увидели в христианстве обоснование духовного и правового освобождения от диктата нойонов и зайсангов. Все отмеченные здесь тенденции в жизненном укладе крещеных джунгарских калмыков получают дальнейшее развитие после их причисления к ставропольским крещеным калмыкам.

Список источников

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.
2. Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Л., 1927. Т. 1. С. 271—282.
3. Джунджузов С. В. Истоки «буддистского инакомыслия», или Почему оренбургские калмыки не стали христианами // Буддизм ваджраяны в России: история и современность. СПб. : Unlimited Space, 2009. С. 321—331.
4. Джунджузов С. В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII — первая четверть XX века). Оренбург : Издат. центр ОГАУ, 2014. 434 с.
5. Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. 272 с.
6. Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М. : Наука, 1958. С. 289—313.
7. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635—1758. М. : Наука, 1983. 332 с.
8. Кузнецов В. С. Амурсана. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 176 с.
9. Моисеев В. А. Трагедия Великой Степи — гибель Джунгарского ханства // Официальный сайт Калмыцкого общественного фонда «Национальное достояние». URL: <http://www.nutug.ru/history/tragedia.htm> (дата обращения: 27.08.2022).
10. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 39.
11. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 45.
12. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47.
13. ОГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2494.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XVII. СПб. : Тип. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1117 с.
15. Скобелев С. Г. Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, вып. 5. С. 219—235.
16. Тыжнов И. И. Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей. XVIII—XX вв. : сб. статей и материалов. Томск : Томский ун-т, 1999. С. 6—21.
17. Шишкина И. А. Проблема беженцев из Джунгарии в русско-китайских отношениях (конец 50-х — начало 60-х гг. XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 8 (46). Ч. 2. С. 208—210.

References

1. *Arkhiv vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisei RAN* [Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences] (AV IVR RAN). F. 44. Op. 1. D. 60. (In Russian)
2. Vladimirtsov B. Ya. Mongol'skie skazaniya ob Amursane [Mongolian legends about Amursan]. *Vostochnye zapiski* [Oriental Notes]. Leningrad, 1927, vol. 1, pp. 271—282. (In Russian)
3. Dzhundzhuzov S. V. Istoki “buddistskogo inakomysliya”, ili Pochemu orenburgskie kalmyki ne stali khristianami [The origins of “Buddhist dissent”, or why Orenburg Kalmyks did not become Christians]. *Buddizm vadzhrayany v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Vajrayana Buddhism in Russia: History and Modernity]. St. Petersburg, Unlimited Space Publ., 2009, pp. 321—331. (In Russian)
4. Dzhundzhuzov S. V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Yuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniya etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII — pervaya chetvert' XX veka)* [Kalmyks in the Middle Volga Region and the Southern Urals: Imperial Mechanisms of Acculturation

and the Problem of Preserving Ethnic Identity (mid 1830s — first quarter of the 20th century)]. Orenburg, Izdat. tsentr OGAU Publ., 2014. 434 p. (In Russian)

5. Dorofeev V. V. *Nad Uralom-rekoi* [Over the Ural River]. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1988. 272 p. (In Russian)

6. Zlatkin I. Ya. *Russkie arkhivnye materialy ob Amursane* [Russian archival materials about Amursan]. *Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov* [Philology and history of the Mongolian peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 289—313. (In Russian)

7. Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva, 1635—1758* [History of the Dzungar Khanate, 1635—1758]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 332 p. (In Russian)

8. Kuznetsov B. C. *Amursana* [Amursana]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1980. 176 p. (In Russian)

9. Moiseev V. A. *Tragediya Velikoi Stepi — gibel' Dzhungarskogo khanstva* [The tragedy of the Great Steppe — the death of the Dzungar Khanate]. *Ofitsial'nyi sait Kalmytskogo obshchestvennogo fonda "Natsional'noe dostoyanie"* [Official website of the Kalmyk Public Foundation "National Heritage"]. Available at: <http://www.nutug.ru/histori/tragedia.htm>. Accessed: 27.08.2022. (In Russian)

10. *Ob "edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archive of the Orenburg Region] (OGAOU). F. 3. Op. 1. D. 39.

11. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 45.

12. OGAOU. F. 3. Op. 1. D. 47.

13. OGAOU. F. 172. Op. 1. D. 2494.

14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1-e. T. XVII* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collect. 1st. Vol. XVII]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya S. E. I. V. Kantselyarii Publ., 1830. 1117 p. (In Russian)

15. Skobelev S. G. *Demograficheskie posledstviya zavoevaniya Dzhungarii voiskami imperii Tsin* [Demographic consequences of a gain of Jungaria by armies of empire Qin]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, 2010, vol. 9, iss. 5, pp. 219—235. (In Russian)

16. Tyzhnov I. I. *Padenie Dzhungarii* [Fall of Dzungaria]. *Sibir 'i Tsentral'naya Aziya: problemy regional'nykh svyazei. XVIII—XX vv.: sb. statei i materialov* [Siberia and Central Asia: Problems of Regional Relations. XVIII—XX centuries. Collect. articles and materials]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1999, pp. 6—21. (In Russian)

17. Shishkina I. A. *Problema bezhentsev iz Dzhungarii v russko-kitaiskikh otnosheniyakh (konets 50-kh — nachalo 60-kh gg. XVIII v.)* [Problem of refugees from Dzungaria in the Russian-Chinese relations (the end of the 50s — the beginning of the 60s of the XVIII century)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2014, no. 8 (46), part 2, pp. 208—210. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Джунджузов — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Dzhundzhuzov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 02.10.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 02.10.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 20.02.2023